

Времена ленинистской конкретности

Мы публикуем написанную почти сорок лет назад статью Арриго Черветто, поскольку она является образцом марксистского метода, связывающего анализ капиталистического развития и социальных изменений с задачами революционного меньшинства.

Анализ капиталистического развития в Италии и его конкретных форм в период «экономического бума» 1955–1963 годов был одной из ключевых задач в борьбе за утверждение ленинистской концепции партии-стратегии и преодоление бесплодной пропагандистской оппозиции оппортунизму.

Первый итог этого анализа был подведён в статье “Оппозиция Её Величества – левый центр”, опубликованной в майском номере *Azione Comunista* 1963 года.

Основными социальными изменениями того времени, с одной стороны, были повсеместный процесс разложения крестьянства и сопровождавшая его депопуляция деревни, с другой – нарастающая пролетаризация.

Утверждалось, что эти процессы развивались с такой силой, «что опрокинули те самые реакционные мелкобуржуазные позиции, на которых держался фронт, объединявший самые различные силы вплоть до ИКП».

Перед лицом этих глубоких сдвигов ИКП предстала в двух обличьях: с одной стороны, как государственно-капиталистическая сила, связанная с более динамичной моделью экономики, продвигаемой с помощью сталинистской идеологии; с другой стороны, как реакционная сила (в смысле торможения роста производительных сил), сопротивлявшаяся распаду мелкой крестьянской буржуазии.

«Этот процесс, – писали мы тогда, – начался вопреки реакционной позиции оппортунизма, вопреки аграрной политике “бономианцев”¹ и ИКП».

Процесс капиталистической концентрации одерживал историческую победу над мелким производством. Сближение в этой борьбе течений христианских демократов и ИКП выражало интересы буржуазных и мелкобуржуазных фракций, а вовсе не было результатом идейного союза.

При этом подчёркивалось, что процесс разложения крестьянства *«всё ещё находится на промежуточной стадии и по целому ряду причин не достиг своей наивысшей интенсивности. Миллионам крестьян ещё предстоит покинуть село».*

Оппортунизм, как было замечено, мог лишь временно затормозить эти изменения, используя случайные кризисы, но процесс, описанный в общих чертах научным анализом Маркса, утвердился бы неизбежно.

Так и произошло. За десятилетие с 1951 по 1961 год число занятых в сельском хозяйстве – как постоянных, так и сезонных работников – сократилось примерно на 2,4 млн человек. В следующем десятилетии этот процесс неумолимо развивался: аграрный сектор потерял ещё 2,6 млн занятых.

Наш анализ стихийной борьбы рабочих был связан с этой масштабной социальной трансформацией. Максимализм же, напротив, романтизировал стихийность, приписывая ей революционное содержание, которого в ней не было и не могло быть, обрекая себя на бессилие фантазий и последующее разочарование в утраченных иллюзиях.

С марксистской точки зрения, поражение оппортунизма перед лицом законов капиталистической экономики имело серьёзное политическое значение. Мы напоминали, что *«в своей пропаганде, в самооправданиях, в бесконечной полемике против марксистов и революционеров оппортунизм выдаёт себя за “конкретную” силу, способную “влиять” на действительность и “изменять” её».*

Именно столкновение с действительностью продемонстрировало несостоятельность этой мнимой оппортунистической “конкретности”.

Оппортунизм не формирует логику развития производительных сил, а напротив – сам подчиняется ей. Он пытается изменить механизм накопления, но лишь приспособливается к нему. Он стремится встать у руля капиталистической машины, но становится её пятым колесом. Он провозглашает себя авангардом, но всегда оказывается плетущимся в хвосте стихийного капиталистического развития, которое его затягивает и разрушает. Он

претендует на то, чтобы реформировать, планировать, оседлать буржуазную экономику, но на деле становится её жалким Росинантом.

Был поставлен вопрос о методе: может ли революционное рабочее движение изменить законы экономики?

Ответ был однозначный: *«Борьба рабочих не может “изменить” ход экономических законов капитализма – за исключением момента революционного слома».*

Это утверждение не было и не является самоочевидным. Сторонники стихийности и посредничества часто пытались свести счёты с реформизмом, обвиняя его в том, что он “много говорит”, но “ничего не делает”, что он “не действует”, что у него нет “политической воли”.

Но социальные изменения не происходят по воле революционеров, их нельзя остановить, если того пожелают реформисты. На почве волюнтаризма рабочее движение обречено на поражение. Настоящая воля милитанта – это воля, подчинённая дисциплине стратегии, а не её имитации, обманывающей саму себя.

Вне условий революционного кризиса – то есть кризиса как экономического базиса, так и политической надстройки – классовое движение революционной направленности не может пассивно дожидаться, пока капитализм завершит свой цикл. Как действовать конкретно?

«Старина Маркс, – отвечали мы тогда, – наметил очень ясную программу “практических” и “конкретных” действий [...]: борьба за сокращение рабочего дня и борьба за повышение заработной платы. Классовая борьба, следующая этому стратегическому плану, действительно “влияет” на капиталистическую действительность и на самом деле “изменяет” отношения между постоянным и переменным капиталом».

Под давлением этой борьбы капиталист будет вынужден повышать технологический уровень, чтобы компенсировать рост стоимости рабочей силы.

Результатом станет повышение органического строения капитала, усиление концентрации производства, рост безработицы и формирование более сплочённого и боевого рабочего класса. Капитализм, под давлением борьбы рабочих, будет стремиться к концентрации всех своих отраслей и сокращению доли прибавочной стоимости, предназначенной для мелкой буржуазии, процента и ренты – и таким образом ещё ярче выявит свои внутренние противоречия.

Эта схема, набросанная Марксом и развёрнутая Лениным в работе 1905 года “Две тактики социал-демократии в демократической революции” и в “Апрельских тезисах” 1917 года, обозначает направление развития для революционной партии, которая *«использует и берёт под контроль стихию экономической борьбы [...] в стратегии, подготавливающей “скачок” и “слом самого слабого звена” в империалистической цепи».*

В этой модели партия действует в рамках объективных тенденций, стратегически осознавая, что классовая борьба является мощным двигателем развития производительных сил и фактором борьбы между буржуазными фракциями.

Пролетаризация в Италии совершила тогда количественный и качественный скачок. Мы отмечали, что число наёмных работников выросло с 8,4 млн в 1954 году до 10,2 млн в 1961 году – из общего числа 19,9 млн занятых в экономике.

Во всех регионах быстрый рост пролетариата происходил за счёт молодёжи и женщин. Аграрный пролетариат благодаря механизации всё больше приближался по своему характеру к промышленному.

Особо подчёркивалось появление ещё двух форм этого процесса: *«увеличение доли “белых воротничков” и распространение наёмного труда на третичный сектор экономики».*

Мы рассматривали эти два явления как составляющие единого процесса пролетаризации. Это был тезис, шедший вразрез с модными идеями того времени. Указывалось, в частности, что *«в 1956 году мощная волна оппортунизма назвала эти явления проявлением роста некоего неопределённого “среднего класса” [...]». Таких теорий бесконечное множество – их выдвигают как провозгласившая наступление неокapитализма ИСП, так и ИКП, а также различные мелкие группы».*

Марксисты всегда проводили различие между объективным положением классов и их субъективными, идеологическими представлениями. В определённые слои рабочего класса проникали мелкобуржуазный менталитет, образ жизни и поведение, распространялась социал-демократизация.

Ленинистская партия не отдаёт эти отряды нашего класса в филистерский расплав, называемый “средним классом”, а делает их ареной идейно-политической борьбы.

Формы пролетаризации рассматривались в рамках всеобщей линии капиталистического развития, которая *«не могла не следовать англосаксонской модели»*. В частности, мы утверждали, что итальянский капитализм пойдёт по пути капитализма США – главной восходящей державы и прогрессивного образца для отстающих обществ, подобно тому как Англия была таковой во времена Маркса. Оппортунисты всегда отвергали этот научный подход, предпочитая подчёркивать национальную специфику, но не для того, чтобы уловить конкретные формы всемирного процесса, а чтобы отрицать действие всеобщих экономических законов.

Какие последствия имела пролетаризация для политической надстройки? Теории стихийности и механицизма давали упрощенческий ответ, исходя из мнимой зависимости между ростом пролетаризации и антикапиталистической борьбой: чем больше пролетариев – тем больше революций.

Наш подход – диалектический. Мы утверждали: *«Чем больше накапливается “горючего материала революции”², тем активнее реформистские партии пытаются утопить его в море демократии, электорализма и парламентаризма»*. В этом отношении левоцентристские партии не были чем-то новым. Они представляли *«экономическую политику крупного частного и государственного капитала, нацеленную на расширение внутреннего и внешнего рынков в рамках плана, который предусматривал при помощи “передаточных ремней” – профсоюзов и блока ИДСП³–ИСП–ИКП – проведение интенсивной реформистской политики в отношении растущего по численности пролетариата»*.

ИКП могла выполнять эту роль сдерживающей дамбы также благодаря своему политическому и отчасти экономическому доминированию в трёх центральных регионах с большой долей мелкобуржуазного компонента.

В отсутствие революционного руководства рабочий класс превратил свою возросшую силу и стихийную борьбу в фальшивую валюту – в голоса, отданные оппортунизму.

Май 1988 г.

¹ - Ассоциация сельскохозяйственных производителей Coldiretti, которую тогда называли по имени её основателя Паоло Бономи (1910–1985) – политика из партии христианских демократов.

² - Впервые тезис о росте пролетариата как горючего материала революции был высказан Лениным в 1908 году в статье “Горючий материал в мировой политике” (см. Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 17. С. 174–183).

³ - Итальянская демократическая социалистическая партия.